

МОЛВА.

ЗЮЛЕЙКА.

Дремлетъ одинокая пальма у волнь голубаго Босфора; не шепчетъ въперокъ въ ея зеленыхъ локонахъ; горитъ надъ нею лампадою звезда вечерняя. Все вокругъ нея тихо, какъ въ смиренной кельѣ Дервиша. Туда, *Зюлейка*, туда, милая дѣва!

Оставь другимъ Одалискамъ пышныя одежды! Украситъ ли милое лице твое чалма Османлиса? Къ чему сѣи душистыя чепки? Одно, одно покрывало пусть обойметъ гибкій станъ твоей легкимъ облакомъ, тебя, прелестная Пери, подъ шатромъ воспочнаго неба.

Говорятъ: въ чашѣ Джемшида всѣ удовольствія жизни; безцѣнны рубины Бедашкана; Суриспанскія розы такъ душисты! Но твои ланины, милая дѣва! твои уста, о *Зюлейка*! твои горящія подѣлуи!... Соловей позабылъ бы о розѣ.

Саганлугская серна вьрекрасна; ее, легкую, держитъ снѣгъ серебрястый; ея очи, и быспры, и черны: но прекраснѣй ты, серна Босфора! Станъ твоей гибче и легче; а очи... очи!—звѣздочка ярко играетъ такъ въ лазуревомъ пологѣ неба.

Зашумѣла прибрежная пальма; серебрястой бахрамой спелются голубыя волны Босфора; бѣлѣютъ въ упреннемъ шуманѣ Ионійскія горы; зацѣль соловей въ Кипарисовой роцѣ; а тебя все нѣтъ, о *Зюлейка*!—Тебя нѣтъ, милое перло Гарема!

МОЛВА,
ЖУРНАЛЬ МОДЪ И НОВОСТЕЙ,
ИЗДАВАЕМЫЙ
ПРИ
ТЕЛЕСКОПЪ.

ЧАСТЬ I.

МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФИИ Н. СТЕПАНОВА.
ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ ТЕАТРѢ.
1831.